

— Где именно он ранен? — поинтересовался я.

— На правом предплечье, — отозвался стоявший подле кровати военный лекарь Ван. — Рана неглубокая, обычная царапина. В других местах повреждений нет.

Я перевёл взгляд на говорившего:

— Значит, именно вы осматривали генерала Ланя в тот день?

— Так точно, — он виновато опустил голову. — И лекарства позже выписывал тоже я. Стыдно признаться, но мои старания не принесли ни малейшего плода. Состояние лишь ухудшается.

Я осторожно закатал правый рукав Ланя Цзиюя. На предплечье действительно виднелся след от раны длиной в два пальца — она уже затянулась, оставив после себя лишь полоску нежной розовой кожи.

Не проронив ни слова, я некоторое время разглядывал рубец, после чего откинул плотное одеяло и расстегнул нательную рубашку генерала. Мои опасения подтвердились: именно в тех местах, где я и ожидал, проступила характерная сыпь. Я молча заправил его одежду и вернул одеяло на место.

В тишине шатра голос лекаря Вана прозвучал робко:

— Сначала этих пятен не было. Их заметили слуги, когда переодевали генерала после того, как он впал в беспамятство — бельё насквозь пропиталось холодным потом. Пару дней назад Лай тоже осматривал их, но тогда область поражения была меньше, да и цвет... кажется, он был другим.

— Верно, — подхватил тот, нахмурившись в явном замешательстве. — Когда я проводил осмотр, сыпь занимала куда меньше места, а её оттенок не был столь пугающе ярким.

— Это яд гу, — ровным голосом произнёс я.

— Яд гу?! — в один голос воскликнули присутствующие.

Они смотрели с недоверием.

— Позвольте, господин Хань, — поспешно заговорил лекарь Лай. — Расположение этих пятен, их вид — всё это классические признаки «розовой сыпи». К тому же, у генерала Ланя не спадает сильнейший жар, а пульс... Разве всё это не указывает на тяжелую форму брюшного тифа?

— Сходство и впрямь поразительное, — согласился я. — Однако генерал поражён тем, что в

древних трактатах называют «Гу одного месяца». Жертва этого проклятого насекомого угасает ровно за тридцать дней, отсюда и имя. Что же касается тифа... Мы сейчас в феврале. На улице лютая стужа, земля скована льдом, а брюшной тиф — гость летний или осенний. В это время года подобный диагноз практически невозможен.

Я сделал паузу, глядя на бледное лицо раненого.

— Отравитель действовал искусно, но просчитался с сезоном. Будь сейчас осень, я бы и сам мог обмануться, потеряв драгоценное время.

Дэн Чжоюи скрипнул зубами с такой силой, что, казалось, крошится камень.

— Лекарь Лай! — прорычал он, яростно глядя на того. — Вы же уверяли, что признаков отравления нет!

— Н-но... конечно, нет! — несчастный старик отступил на два шага под тяжелым взглядом заместителя генерала. — Если это яд, кожа должна была потемнеть или посинеть! А генерал Лань горит огнём, он весь пунцовый и обливается потом! Это... это просто не укладывается в каноны!

Дэн Чжоюи открыл было рот, чтобы разразиться новой тирадой, но лишь беспомощно махнул рукой и замолчал. Аргументы лекаря казались вполне разумными.

— Господин Хань, — подал голос принц, стоявший за моей спиной. — Вы сказали, что поражённому этим ядом отпущен месяц. Сколько осталось Лань Цзиюю?

— Если верить расчётам военного советника Шангуаня о дне первого ранения, — ответил я, глядя принцу прямо в глаза, — то без лечения генералу осталось жить шесть дней.

В шатре воцарилась гробовая тишина. Лица присутствующих побледнели.

— Теперь понятно, почему в лагере государства Чжао такая тишина, — негромко пробормотал ванье. — Они просто выжидают, когда их план сработает сам собой. Господин Хань, вы сможете его спасти?

Я помедлил с ответом.

— Честно говоря, я не могу дать гарантий. «Гу одного месяца» встречается крайне редко, я читал о нём лишь в старинных книгах. У меня нет опыта борьбы с подобной заразой. Но я приложу все силы.

— Прошу вас, не жалейте усилий, — принц сделал шаг вперёд, и он посмотрел со стальной решимостью. — Сейчас любая попытка — благо. Положение отчаянное, и мы доверимся вам. Все люди в этом лагере переходят в ваше распоряжение. Приказывайте, что нужно делать.

Я коротко кивнул и обернулся к Шангуань Юю:

— Где человек, который прибыл со мной? Его нужно немедленно позвать.

Военный советник молча вышел и через несколько минут вернулся в сопровождении Минчжу. Мой слуга, укутанный в тёплые одежды, прижимал к груди тяжелый лекарственный ларец. Завидев меня среди суровых воинов, он облегчённо выдохнул:

— Господин!

Я как раз обсуждал состав необходимых трав с лекарями.

— Давай ящик мне, — распорядился я.

Приняв тяжелую ношу, я оглядел присутствующих. Честно говоря, я до сих пор путался в их именах и званиях. Словно прочитав мои мысли, заговорил ванье:

— Моё имя — Се Исюнь. Советника вы уже знаете, это Шангуань Юй. Могучий муж перед вами — заместитель генерала Дэн Чжоюи. А за моей спиной стоит мой верный страж Е Хэн.

Я ответил ему лёгкой улыбкой и благодарным кивком, но внутри меня всё содрогнулось. Се Исюнь... Тот самый принц Юйжуй, чьё имя гремело по всей империи? Его слава была соткана из легенд о невысказанном могуществе и редкой красоте. Сын брата покойного императора и племянник нынешней вдовствующей императрицы. О его близости с государем и принцем Цзиньюном слагали предания.

Говорили, что он — непревзойденный мастер слова и стратегии, способный управлять судьбами государств, не повышая голоса. Рассказывали, как несколько лет назад он, будучи ещё совсем молодым, помог нынешнему императору Яньцину усмирить разлив реки Сяохэ, проявив при этом редкое мужество и прозорливость. После смерти родителей он отошел от дел, прикрываясь трауром, и вот теперь император призвал его ради спасения Лань Цзюя.

«Если корона задействовала такие силы, значит, дело куда серьезнее, чем я думал», — мелькнуло в голове.

Лань Цзюй — опора армии, живой символ сопротивления захватчикам. Если его сердце остановится, дух солдат будет сломлен, и ход войны изменится навсегда.

Мои ладони вспотели. Груз ответственности, внезапно легший на мои плечи, казался неподъемным. Я глубоко вздохнул, вытесняя из разума лишние мысли. Сейчас не время для трепета перед титулами. Есть только яд, умирающий человек и шесть дней, которые отделяют жизнь от вечного мрака. Всё остальное — в руках Небес.